

— Вы умеете плакать?

— Нет.

— Вы умеете смеяться?

— Нет.

— Петь?

— Нет.

— Танцевать?

— Нет.

— А что вы умеете?

— Ничего.

— Зачем же вы пришли?

— Так, хочется...

Взбешенная, обиженная до предела, едва удерживая слезы, она бежала из этого дома, чтобы никогда больше не видеть человека, к встрече с которым еще несколько минут назад стремилась всей душой. И из-за него она упустила такую возможность! Могла бы работать в МХТ, у самого Станиславского! И надо ж было вот так, сразу, за одну только постановку, без памяти влюбиться в этого режиссера, чтобы мечтать лишь об одном — играть на его, Охлопкова, сцене. Теперь все...

Униженная подобным приемом, она бросилась к Сергею Третьякову, устройшему ей эту встречу. Тот позвонил Охлопкову. Как же так, вместо того, чтобы предложить актрисе что-нибудь прочесть, обойтись с ней, словно с бездарной дилетанткой! Во-первых, некрасива, и даже очень, ответил Охлопков другу, во-вторых, ничего не умеет делать на сцене, а в-третьих, просто провинциальна...

И все же встреча состоялась. На этот раз Верико, ибо это была она, сказала: «Буду читать из роли Офелии. Последний монолог. Сцену сумасшествия». Настраивалась — вот уже исчезло все: и маленькая комната, и незабытая обида. Она — Офелия. Больше — ничего. Звонит телефон. Уже в третий раз прерванный монолог Верико мужественно начинала вновь. Охлопков обложил надоедливый аппарат подушками и тюфяками. И вдруг, едва отзвучали последние слова монолога, Охлопков, потрясенный и восторженный, тут же кинулся звонить. Другим, в театр, знакомым. «Это не актриса, а чудо!» — кричал он в телефонную трубку.

Лишь один эпизод из жизни Верико Анджапаридзе. Не месяцы, но годы миновали. А память, надежнее дневников, вновь и вновь возвращает в ту пору. Короткое время работы с Охлопковым оказалось поразительно щедрым, хотя не всем планам суждено было осуществиться.

ВОПРЕКИ моим опасениям (слава, занятость, возраст в конце концов) договориться с Верико о встрече оказалось легко. «Верико Ивлиановна...» — начала я. «Просто Верико, — перебила она, — меня никто по отчеству не зовет. Приходите».

Красивая улочка Сумбаташвили-Южина оборвалась неожиданно. Маленькая, чисто тбилисская, запрятанная в глубине Верийского квартала, она вывела прямо к дому с барельефом выдающегося кинорежиссера, народного артиста СССР Михаила Чиаурели. В двух шагах отсюда знаменитая Гора Дум, место, самой природой созданное для размышлений. Внизу шумит город, а здесь, словно на острове, звонкая тишина.

Интересно увидеть великую актрису вблизи, в домашней обстановке, где нет ни зрителей, ни сцены. Какая она? Недоступная, величественная, одетая дорого и с претензией? Но вот открылась дверь.

Неизбалованная знаменитость предстала передо мной. С короткими, видимо, непослушными волосами. В простом легком платье, сверху черный халат. Поразило лицо, выразительное, хранящее красоту.

— Дом очень интересный, — замечая мое изумление, рассказывает Верико. — Когда-то здесь было поле с зеленой травой, и в перерыве между репетициями мы бегали сюда. Здесь я впервые поцеловала своего мужа Михаила Чиаурели. Вот на этом месте он и построил дом.

— Вы уже были замужем?

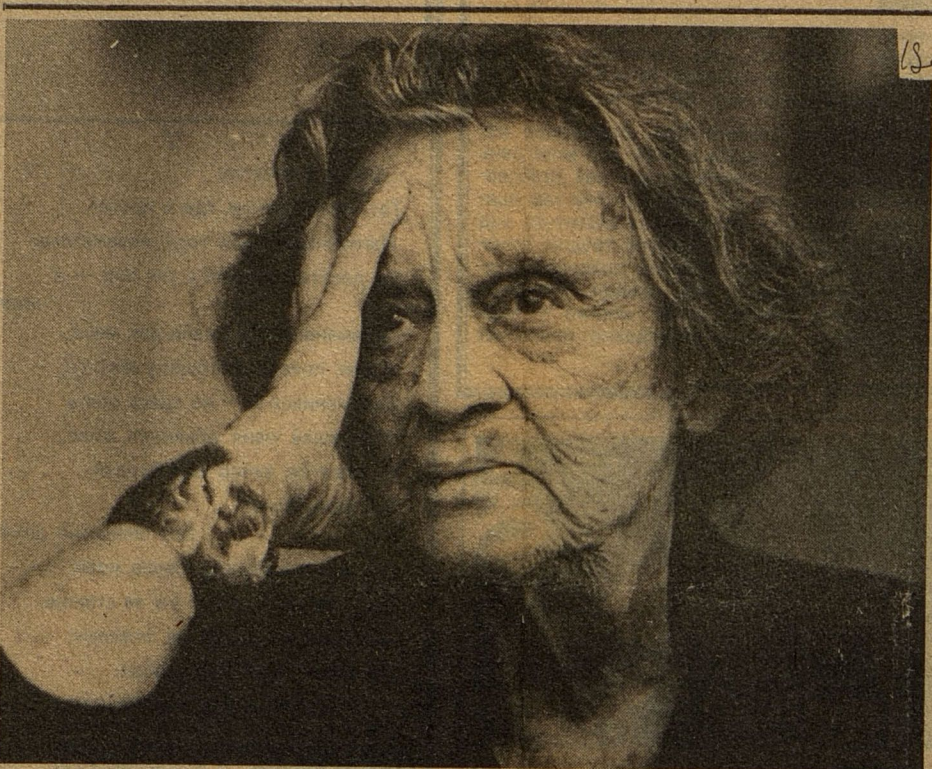
— Нет, конечно. Что в том особенного — поцеловать собственного мужа? Много

глаза начинают лучиться, лицо освещает добрая, мудрая улыбка. Она достает большой конверт с надписью: «Письма Раневской».

«Верико! Вы мое сокровище! Ваша короткая весточка огорчила очень. Крепко и нежно люблю Вас, люблю актрису неповторимую, люблю человека и тоже для меня неповторимого. Вижу, что Вам нелегко грустно и одиноко, это меня мучает, потому что Вы мне родная! Я ведь одинока до ужаса...»

«...Знаете, что у меня кроме Вас нет никого сейчас, кто был бы мне дорог. Надо кое-как жить и все. Не забывайте, что у Вас есть крепко любящий верный друг — я... Ваша Раневская».

«...А сейчас я чувствую себя счастливой, читаю, перечитываю Ваши строки, радуюсь им как подарку».

Вера Веньерова

НЕПОДРАЖАЕМАЯ ВЕРИКО

У нас в гостях народная артистка Советского Союза
Верико АНДЖАПАРИДЗЕ.

ства, силы — все осталось там, на сцене. Когда я умирала на подмостках, я никогда не знала, вернусь ли живой. В последнем акте «Маргариты Готье» у меня пропал пульс. «Я тебе успею принести валерьянку», — говорил мне партнер.

«Последний акт — это шедевр, — сказал Верико Немеинович-Данченко. — Я плакал все время. Вы мне, режиссеру, мешали анализировать, но я видел, как Вы вдруг заиграли, как играют японские мужчины-актеры. Вы по-мужски играли. Вы же не видите себя. Местами Вы некрасивы. Вы чувствуете всем женским, Вы не оставляете никаких иллюзий. Вы так смешно и некрасиво плачете, но какое большое искусство, как хочется взять Вас на руки, Вас ожить, дать Вам жизнь, за которую Вы, задыхаясь, цепляетесь...»

ТЕ, КТО хоть раз видел Верико Анджапаридзе в театре, навсегда остались пленниками ее таланта. Она отдавала всю себя без остатка зрителям и такую же отдачу получала взамен.

Раньше зритель был другой. — вдруг говорит Верико. — Вспоминаю время моей молодости. Это был зритель, необыкновенно любящий театр, очень чуткий, очень отзывчивый. Когда с Марджановским театром мы ездили на гастроли в Кутанси, не могли продать ни одного билета, потому что... все билеты были раскуплены тбилисцами. Нельзя забыть битком набитый зал. Нас, Марджанишвили, Ушанги Чхеидзе и меня, выносили на руках. Марджанишвили был гениальным режиссером... А сейчас, мне кажется, зритель стал равнодушнее, что ли... Ему порой все равно, куда пойти, — в театр или в кино. И актеры сегодня больше берегут себя, не выкладываются до конца. Моя дочь Софики очень интересная актриса. Но она очень обижается, когда я говорю, что она не всегда полностью выкладывается на сцене.

Воскресные
ВСТРЕЧИ

было счастливых дней. Самые светлые? Когда родился сын. Когда родилась дочь. Не все успела. Очень много не успела. А жизнь прошла...

— Почему прошла? Вы думаете о смерти?

— Смерть? Какая она? Никто не видел. Это очень интересно, правда? — улыбается Верико. — Конечно, боюсь умереть. Но я не могу без работы. Жить для меня — значит работать, играть. И если вдруг заболела, слегу... не знаю. Такое существование не по мне. Хочу сыграть что-нибудь очень трагическое. В одном акте, три уже не выдержу. Ищу сама, и в театре все ищут для меня такую роль. Не хочу уйти из театра танцуя.

— Танцую? — переспрашиваю я.

— Ну да. Моя дочка поставила спектакль «Ромашка» («Влияние гамма-лучей на бледно-желтые ноготки»), где я танцую. Это полная импровизация. И народ идет на мой танец! Как-то услышала: зрители спрашивали в кассе: «Кто сегодня танцует?» Представляете, не кто сегодня играет, а кто сегодня танцует. Я была в ужасе.

— Верико, скажите, а если бы другой режиссер, не Софики Чиаурели, предложил Вам такую роль? Согласились бы?

— Да кто б посмел?! Это только она могла придумать подобное!

— Как строится ваш день?

— Пишу воспоминания, читаю. Приходят ее подруги, его друзья (Софики и ее муж Котэ Махарадзе. — Е. С.), мои друзья. Засыпаю под утро.

ОНА живет в окружении чудесных фотографий, портретов. На снимках Верико Анджапаридзе в разных ролях,

близкие и дорогие ей люди. Она хранит фото Раневской с надписью «Прекрасной Верико — с любовью и восхищением», маленькую карточку с трогательными словами «Вечно в Вас влюбленный Качалов». Над кроватью — первый рисунок внука. Не оторвать глаз от прелестного профиля Верико, начертанного рукой Всеволода Пудовкина. Рукой неравнодушной... Очаровывает портрет кисти Кетеван Магалашвили. А вот маленькая Верико, до удивления похожая на Софику в том же нежном возрасте.

Все-все, что хранит дом, построенный Михаилом Чиаурели, подобрано с любовью, с теплом и сердечностью.

— Эти снимки сделаны в Италии. Помню, фотограф зашел к нам в номер. Ни он, ни я специально не готовились. Но чудесно получилось. Правда?

— Верико, вы повидали мир. А могли бы представить жизнь свою вне Грузии?

— Я видела много городов и стран. Но вне Грузии... нет, не могу. Грузия для меня — все. Я обожаю эту землю. Очень люблю Тбилиси, один из красивейших городов. Моя Грузия дает мне силы играть.

Верико не смотрит на часы, но я чувствую: пора... И спешу задать еще несколько вопросов.

— Ваш любимый цвет?

— Зеленый.

— А цветов?

— Много. Но, наверное, роза.

— Композитор?

— Люблю Шостаковича и, как ни странно, Чайковского. Я любила думать о роли под музыку. В этом смысле Чайковский мне очень помог.

— Любимая роль?

— Офелия. Она вся такая голубая... Гедда Габлер, хоть и не пришлось сыграть.

— Драматург?

— Вот с этим сложнее. С точки зрения мною сыгранных ролей, пожалуй, Гауптман. Каждый спектакль играла по-разному. Очень люблю Чехова. Он трогает те струны человеческой души, которые вскрывают главное, основное.

— Какие качества цените в людях?

— Очень много. Как сказать? Красоту, правдивость, ум, интеллект. Я очень люблю красивых людей.

— У вас много наград, званий...

— Я — актриса. Какие могут быть звания у актрисы? А награды... Самые ценные — четыре ордена Ленина. Много медалей. Носить — не ношу. Но когда достаю из шкапулки, раскладываю на столе, тогда смотрю на них с особым чувством.

У НЕЕ стремительная молодая походка. Раздается звонок, и вот уже Верико легко сбегает по лестнице открыть дверь. Не спрашивая «кто там?» Не подглядывая в глазок. Которого, кстати, здесь нет.

Она смотрит на снег, впервые выпавший в эту зиму. Провожает глазами снежинки. Во взгляде ее и ожидание, и грусть. Грусть и ожидание.

Е. СВЕТЛОВА.

Фото Д. АЗАРОВА.

Тбилиси — Москва.